

Алекс Норк

КТО ЗДЕСЬ?

Алекс Норк

Кто здесь?

«Автор»

2005

Норк А.

Кто здесь? / А. Норк — «Автор», 2005

События конца 90-х годов. Версия. Внимание американской контрразведки привлекают два самоубийства ответственных работников Белого дома. Поражает их изуверский способ, схожий с ритуальными приемами восточного средневековья. Нечто в таком же роде вдруг обнаруживается у русских. Вступившие во взаимодействие национальные спецслужбы приходят к выводу, что по обе стороны океана разворачиваются, готовясь к захвату государственной власти, две мощные силы, очень похожие по совершенно чуждому нашему миру менталитету и по одинаковой преданности своим тщательно законспирированным лидерам. Но силы эти враждебны. В свое историческое время они уже пытались, уничтожая друг друга, делить мир.

© Норк А., 2005

© Автор, 2005

Алекс Норк Кто здесь?

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

– Вам понравился вчерашний концерт, сэр?

– Да, Николь, я, вообще, очень люблю фортепианную музыку. И хорошо знаю этого пианиста. Бывал на его концертах в Москве... Тот молодой человек – ваш муж?

– Муж. А женщина, с которой вы были, очень красивая.

– Это моя двоюродная сестра, Энни. Но насчет красоты вы здорово хватили. Мы в детстве всегда называли ее обезьянкой, и она не обижалась. Я и сейчас ее так часто зову.

Что-то вроде довольной улыбки появилось у нее на лице.

– Нет, вы не правы, сэр, ваша сестра очень милая и своеобразная.

Энни так уверено сказала ему вчера после того, как они случайно столкнулись с Николь на ступеньках концертного зала: «Она тобой увлечена». – «С чего ты взяла? Это просто мой секретарь». – «Ой-ой, секретарь! У нее от этого устроено что-нибудь по-другому? Она, знаешь ли, слишком откровенно на меня взглянула». – «Как взглянула?» – «С ненавистью. Успокой ее потом, объясни, что мы просто родственники».

– Что у нас на сегодня, Николь?

– Совещание второго отдела, которое вы назначили на десять. Потом у вас встреча с военными.

– Помню.

– Еще, заболел ваш заместитель, у него острый бронхит. Еще к вашему сведению, Блюма срочно вызвали в Вашингтон. Его секретарь сказала мне, что позвонили прямо ночью.

– А кто вызывал?

– Звонили из Белого дома.

Торнвил удивленно поднял брови, Николь в ответ сделала то же самое. С чуть комичным выражением.

Он всегда смотрел ей вслед, когда она выходила из кабинета, и кажется, девушка это чувствовала.

С Блюмом Стенли Торнвил был знаком почти двадцать лет, с первого своего дня работы в контрразведке. Тот его и принимал на службу, и стал тогда первым начальником. А потом так и остался им на многие годы. И когда Стенли работал в Германии, а потом в России, его патроном в Центре оставался Блюм. Никогда никаких служебных недоразумений между ними, ничего похожего на недоверие или взаимное недовольство. А в политической контрразведке очень трудно долго сохранять такие отношения – слишком каверзная работа. Ну, например, когда нет никаких улик о сотрудничестве собственного дипломата или нелегала с местной спецслужбой, а подозрительные признаки есть. Надо возвращать такого деятеля в страну, по сути дела – ломать ему карьеру. Торнвил как резидент обязан этого требовать, а его патрону в Центре приходится доказывать необходимость отзыва формально ни в чем не провинившегося человека. Много таких хлопот он доставил Блюму за двадцать лет. И тот ни разу не фыркнул в ответ, не упрекнул в перестраховке. И когда там, в России, на вербовку выстроилась целая очередь всякого правительственного ворья, сколько потребовалось усилий, чтобы убедить Центр не кидать деньги налогоплательщиков всякой сволочи, которая продает не только настоящие,

но и фиктивные секреты, объяснять, что нельзя покупать всю дрянь подряд. Блюм всегда ему верил. А он поверил Блюму, кажется, в тот самый первый день их знакомства. Время доказало, что они во всем были правы. Теперь, поднявшись до уровня первого заместителя директора Центра, Блюм и его перетащил наверх – полковник Торнвил, начальник Управления внутренней политической контрразведки страны. Высокое место.

Он проработал в этой должности только еще два месяца. Собственно говоря, этот срок ему и дали для того, чтобы войти в курс дела.

Что за странный ночной вызов его патрона? Стенли еще раз задал себе этот бесполезный вопрос, но потом очень скоро забыл, включившись в дневную гонку. Забыл до вечера, когда секретарь Блюма, позвонила ему и сообщила, что тот ждет его у себя.

Странное дело, Блюм не очень-то постарел за эти многие годы. Наверно потому, что и тогда не выглядел молодым. И лысина у него не выросла, и мягкие темные волосы по ее бокам не убавились. А главное – глаза. Подвижные, с постоянной какой-то веселой готовностью, большие, карие, очень умные.

– А, Стенли! Садитесь, Стенли, присаживайтесь... Ну как, были вчера на концерте? А я не пошел, ленюсь я с возрастом, мой дорогой, ленюсь. Хотел отоспаться, и на тебе, – ночной звонок из Белого дома. Кофе не желаете?

– Нет, спасибо.

– Я тоже его сегодня слишком много выпил. Удачный концерт?

– Очень.

– Н-да, н-да... так вот, – Блюм потер свой большой лоб, на который не хватало ладони. – У нас любопытное дело, Стенли. Любопытное... и весьма паршивое. – Он вдруг заморгал глазами и, прикрываясь рукой, широко зевнул. – Простите, мой друг, не спал почти, и эти разговоры, там, в Вашингтоне, они же ничего не делают быстро... Да. Вы тот несчастный случай с работником президентского аппарата помните? Ну, месяц назад?

– Чакли, кажется? После банкета упал в нетрезвом состоянии на кухонный нож, живот пропорол?

– Именно, пропорол. Нас это тогда не касалось, бытовая драма. Хотя никому не было понятно – как это он на него упал?

– Помню, и меня это слегка удивило.

– Вот, а меня тогда еще удивило, что рана очень глубокая и обширная. Но я подумал – всякое бывает... Н-да, так вот только вам, Стенли, информация сугубо конфиденциальная: тот парень сам себя ударил ножом в живот.

– Именно это они вам сегодня и сообщили?

– Не только это... А давайте все-таки выпьем кофе, а?

– Ну, давайте.

Блюм позвонил, и почти тут же принесли.

– Тогда уж и по глоточку рома? Конец рабочего дня, – он проворно достал бутылку из шкафчика, – вы его сначала понюхайте, Стенли. – И налил ром в два маленьких стаканчика. – Ямайка, а? Ямайка! Ваше здоровье... М-му!.. Вкусно?

– Вкусно.

– Да, они тот случай замяли, президентские выборы ведь на носу. Замяли, а вчера поздно вечером у них новое дело – Мэри Кэмпбелл, помощник вице-президента, слышали фамилию?

– Нет, по-моему.

– Ну, есть такая. Точнее, была. Вчера поздно вечером у себя дома покончила самоубийством. Догадываетесь? Нет? Ударила себя охотничьим ножом в живот. Глубокое ранение с попыткой взрезать кишечник. Умерла минут через пятнадцать от обширного кровотечения. Это уже от общественности скрыть не удастся. В сегодняшние газеты дело еще не попало, но завтра будет.

– Дома она находилась одна?

– Почти.

– Что значит – почти?

– А не совсем пока ясно. Перед этим она позвонила своему приятелю, отменила его ночной визит к себе. Но тот обеспокоился тем, как она с ним говорила, и все-таки приехал. У него собственный ключ. Ну и – по его словам – нашел ее на полу в гостиной. Сразу вызвал полицию и скорую помощь. Его допросили, проверили. Парню около тридцати, он небольшой адвокат. Кэмпбелл постарше его лет на пять. В интимных отношениях они состояли года два.

– У полиции на него что-нибудь есть?

Блюм мотнул головой:

– Абсолютно ничего. Но нам он понадобится. Вы его, Стенли, завтра же потрясите как следует. Ох, устал я с этими господами из Вашингтона, все надо из них выуживать! Темнят, намеками изъясняются. Еще по глоточку?

– Спасибо. Вы сами-то, патрон, не темните. Что это за ритуальные самоубийства?

– Вот именно, мы ж все-таки не в Японии. Я так им и сказал. И, говорю, выкладывайте, что у вас на этих самоубийц имеется. Психическая эпидемия среди работников Белого дома? Нет, отвечают, ни Чакли, ни Кэмпбелл к психиатрам не обращались. Нормальные люди, в отклонениях не замечены... М-мм! Как греет внутри этот ром, а?

– Греет. А в чем замечены?

– Вот, тут история, которую они мне по капле два часа рассказывали. Утечка информации, если коротко. И довольно серьезная. Частные разговоры на уровне вице-президента и самого президента. Закрытые планы аппарата, связанные с политическими ходами, которые должны укрепить их позиции перед выборами. По сути дела – государственный шпионаж.

– И нити вели к Чакли и Кэмпбелл?

– Совершенно верно.

– Куда эта информация шла потом?

– В штаб нового независимого кандидата, по их сведениям. Но прямых доказательств нет.

– А, к этой темной личности?

– Личность, мой дорогой, действительно темная. Но сколько обаяния, да? И как он набирает обороты?

– И непонятно на чем.

– Непонятно, но часть страны уже им очарована. Тут тоже весьма щекотливый момент для нас. В предвыборные дела мы вмешиваться не можем. Но, с другой стороны, утечка государственных секретов от действующего президента – это наша непосредственная сфера. Так что мы обязаны инициировать расследование. Вам оно и поручается.

– Еще какие-нибудь детали?

– Да, есть. Оба покончивших с собой работника аппарата шпионили крайне торопливо и грубо.

– То есть понимали, что могли попасться?

– Вот именно. Оба отправили себя на тот свет, когда чувствовали, что до разоблачения остаются считанные дни. Каждого уже почти вычислили. Кэмпбелл, в частности, должна была уже сегодня ответить на ряд вопросов в присутствии самого вице-президента.

– Странная история.

– И ничего подобного, заметьте, в нашей практике никогда не было.

Удивительный поворот в его жизни. Нет, не это дело, по которому он сейчас летит в Вашингтон. А вчерашний вечер, когда он, вернувшись от Блюма в свой кабинет, неожиданно для себя предложил Николь где-нибудь поужинать. «Да», – коротко прозвучало в ответ. А когда они сели за ресторанный столик, и он спросил, не отвлекает ли ее от семейных забот,

она ответила, что со вчерашнего вечера уже не семейная женщина. Она объявила мужу о разводе. И тут же, посмотрев ему в глаза, объяснила: «Нельзя же жить с одним человеком и быть влюбленной в другого»... Все чудесно и просто. Какими и должны быть настоящие чудеса. И так же просто она спросила его, прощаясь сегодня утром: «А ты не думал, что в твои сорок лет уже пора иметь детей?»

В аэропорту его ожидали работник президентского аппарата и лейтенант уголовной полиции.

– Сначала я хочу поговорить с этим парнем, приятелем Кэмпбелл, – заявил Торнвил. – А потом подъеду к вам в администрацию.

Оба вежливо в ответ кивнули.

– Вы уверены, что этот парень не сам прирезал свою подругу? – спросил он лейтенанта, усаживаясь в полицейскую машину.

– Практически да, сэр, хотя полного алиби у него нет. Строго говоря, он мог появиться в ее квартире минут на двадцать раньше, если бы сразу после ее звонка к ней отправился. Но мотивы, сэр? Что им было делить? К тому же, на ручке ножа нет его отпечатков, нет следов борьбы в квартире. Слишком быстро и профессионально ему надо было бы сработать, сэр.

– Она не была беременной?

– Нет, сэр, – качнул головой полицейский. – И вообще, когда вы увидите этого интеллигентского хлюпика, сами поймете. Бойтся сейчас больше всего, чтобы его адвокатское имя не попало в прессу.

«Действительно хлюпик, – подумал Торнвил, когда увидел в кабинете худенького с мальчишеским лицом парня, – хотя физиономия довольно смазливая. И одет дорого и модно». А потом, когда назвал себя и свою должность, заметил откровенный испуг на его лице.

– Да вы не волнуйтесь, – успокоил он, – идет обычное расследование. Нам надо просто выяснить все детали.

– Мой бог, но причем тут политическая контрразведка?!

– Ваша приятельница работала в президентской структуре. Поэтому мы тоже обязаны вас допросить. И обменяемся любезностями: ваше имя в связи с этой историей не попадет в прессу, а вы обязуетесь не разглашать наш сегодняшний разговор.

– Ну, разумеется, я могу дать подписку.

– Обойдемся. Скажите-ка для начала, где и когда вы с Кэмпбелл познакомились?

– Два с половиной года назад. Мы заканчивали один и тот же университет в разное время.

Познакомились на его юбилее.

– Угу, а как долго...

– Почти с того момента.

– Не знаете, у нее не было никого помимо вас?

– Нет, господин полковник, – уверенно ответил тот и на вопросительный взгляд Торнвила пояснил: – Она была слабее меня... ну, вы понимаете? К тому же, выматывалась на работе.

– Я уловил. Почему вас взволновал ее отказ встретиться в тот вечер?

– Она очень странно со мной разговаривала.

– Вот это и объясните.

Тот задумался, вынул платок, потом снова сунул его в карман.

– Это нелегко объяснить, сэр... как будто она говорила из другого мира.

– Интересно, но поточнее. И текст, что именно она вам сказала?

– Совсем немного, она сказала: «Мы сегодня не встретимся». Отрывисто и жестко, почти что враждебно. Я спросил: «А когда?», и услышал в ответ странный звук, просто меня испу-

гавший. Вроде смеха, но не смех... Бывает, что в лесу прокричит что – то странная птица – что-то неизвестное и тревожное, неприятно чужое. Вы никогда не слышали?

– Слышал.

Тот опять без всякой надобности достал платок.

– Потом она полувопросительно произнесла: «Когда...» и повесила трубку.

– А перед этим между вами не было недоразумений?

– Нет, все было прекрасно, хотя в последние месяцы... – он неопределенно поводил платком в воздухе, – она несколько изменилась.

– Вот-вот, расскажите мне спокойно, какой она была и что именно изменилось.

– Постараюсь, сэр. Мэри, мне всегда так казалось, была не очень сложным человеком. Прагматиком, который ставит перед собой очень понятные задачи. Я ведь за семь лет адвокатской практики немного научился видеть людей, и в университете много занимался психологией. Если говорить по Юнгу – экстравертный мыслительный тип простого склада.

– То есть никакого самокопания, ясные карьерные цели, в том числе по средствам их достижения, да? Слабая эмоциональная реакция на события. Искусство служит только для отдыха, чтобы лучше работать? Здоровый организм – для того же самого... – Человек напротив подтверждающе покивал головой. – И без комплексов?

– Совершенно верно, сэр, без никаких. Простые схемы.

– Прочный тип личности. Вы говорили, в ней что-то стало меняться?

– Да, в последние четыре месяца или немногим больше. Сейчас вспоминаю... четыре с половиной месяца назад мы сидели с ней в ресторане. Она выиграла тысячу долларов в лотерею и пригласила меня это отметить. Ей всегда нравилось говорить о своей работе, карьерных планах, а тут вдруг, когда я сказал, что, отработав в Белом доме, она получит потом шансы на блестящую адвокатуру, Мэри задумалась, а затем произнесла: «Нет! Что за пошлые идеи!». Я, разумеется, очень удивился и спросил: «Какие же идеи не пошлые?» – «Те, что над нами». Потом несколько секунд она пристально на меня смотрела, как на незнакомого, и перевела разговор на другую тему. Я совсем ничего не понял, но не придал всему особого значения.

Он на минуту замолк с отсутствующим взглядом, как когда люди глядят внутрь собственной памяти.

– Продолжайте, пожалуйста.

– Что-то в ней странное появилось. Какая-то ничем не вызванная внутренняя сосредоточенность стала ни с того ни с сего находить... и одновременно – снисходительная реакция на мои слова. Как на ребенка, который говорит чепуховые вещи. – Он торопливо взглянул на Торнвила. – Она не была умней меня, сэр. И никогда не претендовала на это. Даже в профессиональном отношении. Устроилась в Белый дом благодаря хорошим родственным связям. Она всегда понимала свой уровень.

– А тут возник покровительственный тон?

– Что-то очень на это похожее.

– У нее в последнее время появлялись лишние деньги? Может быть, были дорогие покупки? Планы по этому поводу?

– Нет, сэр, ничего такого не было.

– А новые знакомые?

Молодой человек отрицательно покачал в ответ головой.

– Хорошо, все пока. Возможно, вы еще понадобится.

Отпустив его, Торнвил пригласил лейтенанта.

– Проверьте всех родственников Кэмпбелл на предмет возможной передачи им наличных денег на хранение. В том числе, негласно проверьте их счета: не было ли за последнее время значительных поступлений? А мы, со своей стороны, проверим ее собственные банковские счета по всей стране и по Интерполу.

– Понял, сэр, сделаем.

– Тогда, здесь я закончил. Пусть меня отвезут в президентскую администрацию.

Какая она замечательно красивая, его Николь. И совершенно открытая. Вышла замуж, потому что у него были очень богатые родители. «И за год поумнела, – сказала она. – Стала чувствовать, что продажный поступок нужно вернуть пока не поздно. А тут ты к нам свалился. О-чень вовремя!».

Торнвила провели в кабинет того самого сотрудника, который встречал его утром. Тут же пришел и представился еще один.

Стенли не очень разбирался в их внутренних чинах, но понимал – за негромкими этими званиями стоит реальная сила. Впрочем, и его собственная должность тоже весьма немаленькая.

– Кое-что я уже от Блюма знаю, – начал он, – но нужны детали. Непонятно, ведь, пока, что именно нужно брать в оперативную разработку. Давайте поэтому уточняться.

Оба ему в ответ кивнули.

– Нам, конечно, сразу стало ясно, что в штабе независимого кандидата у вас есть свои источники информации. Я в это деликатное дело лезть не собираюсь, но должен понять, насколько достоверно, что информация от Чакли и Кэмпбелл уходила именно туда?

– Не источники, как вы сказали, а один совершенно надежный источник, – ответил тот второй, что позже пришел в кабинет. – И, к сожалению, все слишком достоверно.

– Почему «слишком»?

– Потому что мы потеряли этого человека вчера вечером. Он погиб в автокатастрофе. Выскочил на встречное движение на повороте, заклинило тормозную колодку. И нас, кстати, интересует, что вы как профессионал об этом думаете, вам ведь, наверное, э-э... приходилось?

– Мне лично не приходилось, и к счастью даже не приходилось отдавать такие приказы. Но в профессиональном смысле – это один из стандартных приемов по ликвидации.

– Значит, они нашего человека вычислили. Хотя нам совершенно непонятно – как.

– Возможно, что кроме Чакли и Кэмпбелл у вас еще кто-то есть из их агентуры. И он выдал вашего человека.

– Не тот случай! – категорически вмешался его утренний знакомый. – Нам самим до сегодняшнего дня была известна только его кодовая фишка.

– Кто-то же знал и действительное имя.

– Да, двое, но эти люди... полковник, вы слишком часто встречаете их фамилии в газетах, на самых первых полосах. Надеюсь, понятно?

– Так, третий труп в нашем фильме, – ни к кому не обращаясь, раздумывая, произнес Торнвил.

– Не скроем, полковник, мы чувствуем себя как на горящих углях.

Николь тоже почему-то думала, что он должен был убивать людей, работая в резидентуре, и очень обрадовалась, когда он сказал, что ничего подобного с ним никогда не случилось.

– Если с этими тормозными колодками работали профессионалы, мы ничего не докажем, – сообщил Торнвил.

Ему тут же ответили, что и нельзя предпринимать таких действий: слишком рискованно обнаруживать, кто этим интересуется.

Николь в юности готовилась стать балериной. Потом разрыв коленных связок и не совсем удачная операция. Если бы не это несчастье, она могла бы быть уже известной артисткой. Да, но тогда он ее бы не встретил. Какая у нее безумно красивая спина...

- Что вы об этом думаете, полковник?
- Странно.
- Что именно?
- Вы, несомненно, хорошо проверили квартиру Кэмпбелл? Все ее бумаги, служебный сейф?
- Разумеется, как и в случае с Чакли.
- И ничего особенного?
- Деньги, вы имеете в виду? Денег мы не обнаружили.
- Не только деньги.
- А что еще?
- Паспорта на новые имена. Должны же были они подумать о побеге, раз так грубо и спешно работали.
- Оба чиновника озадачено посмотрели друг на друга.
- Возможно, они хранили их где-нибудь в номерных сейфах? – предположил встречавший его в аэропорту.
- Возможно, – согласился Торнвил. – Мы это проверим. Дадим по факсу фотографии в банки. Их самих и всех родственников, до которых только доберемся.
- И близких знакомых! – торопливо порекомендовали ему.
- Торнвил ответил снисходительным взглядом:
- И их, разумеется. Только ведь паспорта и деньги могли положить в номерные сейфы совсем другие люди – связные из штаба независимого кандидата. А им при встрече просто сообщить, где все находится.
- Дьявол! Так мы ни до чего не доберемся!
- Ну-ну, зачем же вешать нос. Да еще в первый день расследования.
- Вы правы, полковник. Чем мы можем быть вам еще полезны?
- Мне понадобятся сведения об этом независимом кандидате. Все сведения. Понимаете? Все, что вам известно, а не то, что поступает в прессу.
- Выпейте пока кофе, это займет пятнадцать минут.
- Спасибо... лучше зеленого чая.

Он прочел полученные от чиновников материалы по дороге домой в самолете и, вернувшись в Центр, переправил их Блему, договорившись встретиться через два часа.

* * *

Хак знал, что казнь назначена на полдень на главной площади. Об этом с утра кричали пешие и конные глашатаи по улицам и переулкам Дели. И шел туда, чуть оглядываясь и стараясь не очень попадаться на глаза всадникам.

Нет, кто сможет теперь узнать его в маленьком оборванном мальчишке? Их полно таких на улицах.

Свой золотой украшенный бирюзой пояс и такой же кинжал он закопал в пригороде под молодым эвкалиптовым деревом. А одеждой обменялся с маленьким пастушком сегодняшним ранним утром. Как тот обрадовался! Жалкий ничтожный крестьянский мальчик, получивший вдруг ханскую одежду. Все они жалкие и ничтожные. Овцы, а не воины. И идут сейчас туда, на площадь, чтобы поглазеть на казнь великого из моголов. Его старшего брата. Воина, при-

несшего славу и власть Юдуфу, который решил разделаться теперь с командующим своей конницы, лучшим всадником Поднебесья... Мать несколько раз говорила при нем брату, когда он их навещал, говорила одно и то же: «Остерегайся Юдуфа, сынок, он не любит тебя, он не может тебя любить, остерегайся!» А брат только широко улыбался своим белозубым ртом. Он был добр, и даже в бою. Бросивших копьа и мечи врагов не позволял убивать своим конникам. «Бросивший меч, уже не поднимет его, – говорил он, – зачем убивать зря живое».

И вот сейчас живое скопище валит туда как на праздник, смотреть, как отрубят голову великому воину. По приказу предателя, который обязан ему всем, что имеет. Поэтому мать и просила брата остерегаться.

Мать!

Хак остановился и замер... Когда палачи Юдуфа вошли вчера в их шатер и первый выдернул кривой гадкий меч, она ухватилась обеими руками за клинок и крикнула ему: «Беги!». И руки ее поползли вниз, залитые кровью, оттого, что палач вытащил из них клинок как из ножен. «Спасайся и отомсти», – едва выговорила она от боли. И он быстро шмыгнул под полог. Не от страха за собственную жизнь. Меч второго палача уже свистел в воздухе над головой матери. Он не в силах был это увидеть!

– Э, ты что, на солнце спекся, мальчик? Стоишь на самой дороге... – Хак повернул голову. На него из дверей лавки смотрел толстый улыбчивый армянин. – Зайди, выпей воды. Не бойся, зайди.

Тело не слушалось, и Хак продолжал стоять.

– Да, точно, вай! Ты перегрелся! – армянин зашел в лавку и вынес ему большую пиалу воды. – Пей, ну!

Руки не слушались, и Хак несколько раз хлебнул воду, зацепившись зубами за край пиалы. Потом руки сами поднялись к ней.

– Лучше стало? – спросил армянин.

– Всевышний отблагодарит тебя за это, – прошептал он в ответ.

Окаймляя квадратом пустой центр площади, стояла стража с нагайками и короткими кривыми мечами. Мечи висели без дела, просто для устрашения, и когда прибывавший народ подталкивал внутрь передних, ближние стражники хлестали заступающих за черту, раздавая ленивые и незлобные удары. Не по лицу, а по телу или сверху по голове.

Хак протиснулся, в конце концов, в первый ряд между ног и тел. Инстинктивно он несколько раз откатывался вместе с другими назад, когда стражники хлестали передних, но даже если бы сейчас его, одного из самых знатных наследников Поднебесья, задела плетью, Хак не обратил бы на это внимания.

– Держись ко мне поближе, мальчуган, – кто-то сильный взял его за плечи, – а то как цыпленка задавят.

Хак почти не заметил этого человека, потому что вдруг на всю площадь запели на разные голоса длинные деревянные трубы. И тут же из другого конца стали медленно выходить копыеносцы...

Нет! Их лбы обвязаны толстыми красными лентами – это не копыеносцы, а палачи! Теперь он увидел – с головами людей на копьях... Чьи это головы?! Палачи медленно шли под голос труб внутри свободного центра площади, пока не образовали за спинами стражников другой квадрат...

Их было меньше, чем стражников. «Наверное, сто», – подумал Хак и сразу понял, что угадал, узнав первую голову. Именно сто, ровно столько, сколько отборных воинов всегда находилось в личной охране брата. Самые верные ему люди, не только его охрана, но и головной ударный отряд в бою. Значит, сейчас отрубят голову и его брату. Хак почувствовал, как, несмотря на жару, холод побежал у него вверх от лопаток по шее, охватил затылок, а потом всю голову.

– Стой, мальчик, ты хочешь уйти? Назад уже не пролезешь. Стой теперь. Трубы взвыли и загудели еще сильнее.

Что это там делают? Поднимают с земли на веревках какие-то брусья?

– Что это, – прохрипел Хак, – ви-се-ли-ца?!

– Вора, мальчик, должны повесить.

Вора? Да, глашатаи выкрикивали что-то утром, что-то про брата и казну Юдуфа, он точно не помнит что. Они хотят повесить его как вора?! Повесить воина, который никогда не взял ни одной монеты в руки, повесить как... как собаку?!

– Что ты хрипишь, мальчуган? Лучше отвернись, если тебе страшно смотреть...

Он увидел брата! На веревке с обмотанными ею вытянутыми впереди руками. Хак видел его только издали, но сразу понял, что как особо опасному преступнику ему перед казнью раздробили колени, чтобы человек не смог достойно пройти перед смертью мимо толпы. Тогда палачи будут волочить его по земле, приподнимая вверх, чтобы видно было лицо казнимого... Но брат шел широко расставленными прямыми ногами, хотя передний палач, мешая, все время поддегивал веревку...

Хак уже смог разглядеть лицо... с запекшимся черным клеймом на открытом лбу... Скоро брат окажется совсем близко. Нет, передний палач повернул голову на кем-то отданную команду... Они испугались! Подлые псы! Они испугались, что он выдержит, пройдет вдоль толпы своими ногами! Они не могут нарушить закон и ударить его перед казнью, силой свалить на землю. О, слава Всевышнему!! Брат их победил! Как побеждал всех и всегда! Теперь надо проскользнуть через стражников и умереть рядом с ним. Как легко это сделать...

«Отомсти», – Хак услышал слабый голос. Он прозвучал в его голове, он шел ниоткуда, слабый голос матери, остановивший звук труб и гомон толпы: «Останься и отомсти»...

Теперь они зашепили, поняв, что нельзя долго держать перед толпой униженного героя... Первый раз петля только скользнула об его подбородок. Ее накинули снова и, бросившись в стороны, оставили лишь одного огромного палача внизу у ног брата, тот, быстро нагнувшись, выдернул на себя скамейку. Толпа заорала, но Хак слышал только собственный крик, который не мог остановиться.

* * *

За два часа оперативная служба проделала первый этап работы, – что значит, привлечь к заданию сразу весь большой коллектив! Хорошие у него силы. А вот результаты пока не очень хорошие – ни в одном банке страны фотографии Кэмпбелл и Чакли не опознаны. Если не считать тех двух, где находились их сравнительно небольшие, обычные для заработков таких людей счета. Значит и номерными сейфами они сами не пользовались.

Впрочем, на быстрый успех полковник и не рассчитывал. Слишком странное это дело, чтобы сразу выйти на след.

Телефон, связывавший его, минуя секретарей, напрямую с Блюмом, дал короткий гудок.

– Я как раз собирался к вам идти, – поднимая трубку, произнес Торнвил.

– Жду вас, Стенли, с нетерпением жду, – прожурчало на том конце.

– А я отлично выспался в эту ночь, мой дорогой, в отличие от предыдущей. – Блюм поднялся из-за стола ему навстречу. – У вас, между прочим, небольшая синева под глазами. От того, что рано встали перед полетом в Вашингтон?

– Ну... да.

– Рассказывайте, Стенли, что дала оперативная проверка... Вообще ничего? Я так и думал.

– Сейчас мы начали прорабатывать родственников и близких знакомых, но честно должен сказать, патрон, у меня почти нет здесь надежды на положительный результат.

– И правильно, что нет. Они, я имею в виду штаб этого Независимого кандидата, и не могли позволить таким ценным агентам, как Кэмпбелл и Чакли, хоть как-то посвящать в свои дела посторонних.

– Однако тогда их должны были подстраховывать сами люди этого Независимого. План экстренных мер, побега...

– Но ни Чакли, ни Кэмпбелл не попытались им воспользоваться.

– Это меня и удивляет больше всего. Значит, напрашивается вывод, что никакого плана и не было?

– Напрашивается, мой дорогой, слишком напрашивается. Поэтому лучше сразу этот вывод и сделать.

– В таком случае, хм, возникает ощущение логического тупика.

В умных больших глазах Блюма Торнвил увидел веселые искорки.

– Тупиков в нашем деле не бывает, Стенли, ну просто не бывает! Тупики случаются у разведчиков, шпионов, вы это отлично знаете, но не у контрразведчиков! – с ударением произнес он. – Мы их ловим, а не они нас. Ха, тупик просто указывает направление, в котором не надо дальше двигаться. Ну и отлично! Будем двигаться в другом.

– Решать задачу о немотивированном поведении агентов – самоубийц?

– Искать другие мотивы, полковник. Кстати, вы обратили внимание? В тех материалах, что дали из Белого дома о Независимом кандидате, указано: он начал заниматься политикой всего год назад, вернувшись из длительной научной командировки с Востока.

– Да, из Индии. Занимался там древней культурой йогов.

– Да-да, какой-то ерундой в этом роде.

Если у них с Николь действительно все так серьезно, ей нужно будет скоро уйти с работы. Нельзя быть секретарем ответственного чиновника, за которого готовишься выйти замуж. Надо сказать ей сегодня вечером.

– Скромный профессор провинциального университета, какой-то историк, – продолжал, расхаживая по кабинету, Блюм. – Откуда же за один год взялась такая масса симпатизирующих ему американцев? Вы что-нибудь понимаете, Стенли?

– Мне кажется, чуть-чуть понимаю. Хотя по первому впечатлению я тоже подумал о чистом политическом шарлатанстве, и только позже почувствовал, что кое-какая притягательность в его пропаганде все-таки есть.

– Ну-ну, объясните.

– Это не очень легко, я не случайно сказал, что почувствовал, а не употребил слово «понял». Возможно, это просто моя фантазия.

– Нет ничего практичней хорошей фантазии, мой дорогой.

– Хорошо, попробую. Независимый... он начинает всегда с одной и той же исходной точки.

– Ну-да, с разобщенности. С того, что мы сами делим себя по интересам, по цвету кожи, какому-нибудь ирландскому или итальянскому происхождению и прочим глупостям.

– Да, делимся на мужчин и женщин, краснокожих-аборигенов и остальных. Тех, кто давно приехал в Америку или недавно. Делимся, а потом подсматриваем друг за другом – не получили ли одни что-нибудь за счет других. Дальше следует его козырь: власти искусственно поддерживают это деление, только не подстрекательством к нему, а борьбой за права всех и вся. Страна уже борется сама с собой ради кучки жуликов, и они приведут ее к гибели.

– Ну, в том, что они, в конце концов, ее туда приведут, мало кто из умных людей сомневается. Но, причем здесь рядовые американцы? Им всегда именно такая пропаганда и нравилась. Борьба за что-нибудь. А там, где ничего нет, надо, как в спорте, выдумать. Мы же спортивная нация, Стенли, – Блюм довольно похлопал себя по толстоватым бокам.

– Потом, – не обращая внимания на его юмор, продолжил Торнвил, – смерть придет в одиночку к каждому. Всех уничтожит, если люди разные. Но если они найдут свое главное одинаковое, человек не погибнет. Он будет бесконечно дублироваться. Обратите внимание, идеи Независимого лежат, по сути дела, не в области социологии или политики. Это что-то вроде мистики или религии. «Главная цель нашей жизни – готовиться к смерти» – он любит напоминать эту фразу из Марка Аврелия.

– Но чем это притягательней традиционных религий?

– Когда-то они работали. Но в наше время люди не хотят неизвестной потусторонней жизни. Они все больше подумывают, как бы задержаться в этой. В конечном счете, Независимый говорит о коллективной душе. Станьте ее частью, и вы не погибнете.

– Вы так его трактуете? – Блюм вдруг посмотрел на него, как смотрят на сцену дети после открывшегося занавеса, ожидая, что тотчас что-нибудь случится. – Пойдите, пойдите... – он вдруг замотал головой, а потом уперся взглядом в голый полированный стол.

С минуту длилось молчание.

– Тьфу, как забавно!

– А разве вам все, что я сказал, не бросилось в глаза?

– Бросилось, бросилось, я не об этом.

– Тогда о чем же?

Блюм только покрутил растопыренными пальцами по бокам своих мягких отходящих от лысины волос:

– Нет, ну чертовски забавно, мой дорогой! Ваша фантазия многого стоит.

– Очень хотелось бы, чтобы вы не морочили мне голову, патрон.

– Слушайте, Стенли, мы уже целых десять минут пересидели на работе. День закончился. Давайте поужинаем тут неподалеку, совсем по-простому. Зайдем и поужинаем, и продолжим беседу, а?

– Ну, если можно взять с собой одну даму.

– Это кого же?

– Моего секретаря Николь.

– Ха-ха! Полковник! А хорошо быть молодым полковником, да? Лучше, чем старым евреем? Знаете, о-чень красивая женщина, я это раньше вас заметил, когда вы еще торчали в России. Меня всегда удивляло – как это могут существовать в природе абсолютно красивые люди? – Блюм погладил себя по лысине, будто вдумываясь в это явление и продолжая не понимать.

– Это вполне удобно, милый? А платье на мне? – Николь не очень уверенно взглянула на свой служебный наряд.

– Без платья ты, конечно, гораздо интересней, но речь идет о простом ресторанчике для обывателей, и лучше считаться с их правилами. А Блюм – приятный и очень одинокий человек, жена его чаще живет у дочери в Европе. Они уже давно в каком-то полуразводе. Дешевые ресторанчики – обычное для него место ужина. Ты просто слишком привыкла видеть в нем большого начальника.

В скромном полупустом заведении, куда они втроем пришли, Блюма, несомненно, хорошо знали. И пожилой хозяин, махнув на официанта рукой, сам подошел к их столику, чтобы принять заказ.

– Я тут буду распоряжаться, с вашего позволения! – обращаясь к Николь, весело заявил Блюм. – Я очень люблю распоряжаться гостями. Так, прежде всего мы узнаем, есть ли сегодня мой фирменный суп?

– Есть, – улыбаясь, ответил хозяин.

– Мы будем есть суп? – удивилась Николь.

– Будем, обязательно будем. Значит, всем на первое суп. Что вы будете пить, мадам?

– Минеральную воду.

– Только воду?! Это чуть-чуть огорчительно. А вы, Стенли?

– Мне что-нибудь легкое.

– Нет ничего легче настоящей еврейской водки, мой дорогой! Просто легче ничего нет!

Торнвил увидел, как чуть колыхнулись ее ресницы.

– Хорошо, спасибо, только одну рюмку.

– Графинчик! – скомандовал Блюм. – А с рюмками мы разберемся.

– А что это за суп? – поинтересовалась Николь, когда хозяин направился исполнять заказ.

– О, вы такого не ели. Гусиный суп с картофелем, морковью и луком. Это сложный суп, мадам.

– В самом деле? Сложный суп из четырех составляющих? Тогда – какой же простой?

– Простой? – Блюм опустил голову и повернул ее чуть по-птичьи. – Простой – это когда там нет гуся. А самый простой, когда нет еще моркови и лука. Тоже очень вкусный суп, мадам. По сравнению с тем, когда нет самой картошки, а вместо нее сварена шелуха. Этот последний суп действительно уже не очень вкусный. И я его гостям обычно не рекомендую.

– О боже, здесь и такое готовят?

– Только по спецзаказу. Здешний хозяин, как и я, помнит этот рецепт с детства.

– Вам приходилось так питаться? – Николь застыла, глядя на него с полуоткрытым ртом.

– Какое-то время, только какое-то время. А, вот и водка, и тихоокеанская сельдь! Да... потом у нас появилась картошка, потом лук и морковь, ну а уж когда добавился гусь... – Блюм развел руками с причудливым графинчиком в одной и рюмкой в другой, – поверьте, мадам, все эти сложные салаты, грибы, фаршированные крабами, крабы, фаршированные грибами – основная причина самоубийств и разводов. – Он, приглашая Торнвила, поднял вверх рюмку и еще через полминуты, закусывая сельдью, продолжил: – Да, потому что естественная пища рождает естественные мысли, а неестественная, ну, сами понимаете какие.

– Мне нравится ваша логика, – заключила Николь. – Тогда я тоже попробую сельдь и буду есть суп. А отчего появляются, в таком случае, сверхъестественные мысли? Нужно же, значит, к гусю еще что-нибудь добавить?

– Обстоятельства, мадам, обстоятельства. Их мы тоже туда добавим, немного позже.

Через несколько минут им принесли большие слегка дымящиеся тарелки. С тонким и очень приятным запахом.

– Его нужно есть горячим, друзья. – Блюм взял в руки графинчик. – Стенли?

Теперь ее ресницы повели себя по-другому. Он улыбнулся и отказался.

– Действительно, очень вкусно, – попробовав, с удивлением произнесла Николь. – И не нужно добавлять никаких обстоятельств.

Блюм замотал головой:

– Это все Стенли! Ему нужна еще и коллективная душа.

– О, дорогой! Моей тебе, значит, мало. А что ты собираешься делать с этой, коллективной, позволь узнать?

– Он собирается объяснить с ее помощью загадочные явления в этом мире, мадам. Только у него не выйдет.

– Почему не выйдет? – поинтересовался Торнвил.

– Потому что все это придумал Карл Юнг, – прихлебывая суп, ответил тот. – Придумал, и не разобрался до конца. Вкусно, мадам, ведь верно?

– Очень. А в чем же не разобрался великий психолог?

– Он заявлял, что коллективная душа есть у всех народов. Как некий остаток их исторической памяти.

– А его, в самом деле, нет?

– Есть. В большей или меньшей степени. В значительной, например, у германцев или японцев. Да, все японские экономические чудеса, между прочим, из этого выросли. Но только посмотрим, что с ними будет через пятьдесят лет.

– Они потеряют коллективную душу?

– Нет, мадам, не потеряют. Они изменят к ней свое отношение.

– Поясните, – попросил Торнвил.

– М-мм, с удовольствием... Этот общий для нации исторический осадок влияет на нее ровно настолько, насколько интуитивно ценится. Понимаете? Ценится – значит, постоянно всплывает из глубины, формирует у людей правила и установки, высокое значение единого взгляда. Не ценится – лежит преспокойно на дне, как неинтересный эпизод у человека в памяти. Можно всю жизнь прожить и о нем не вспомнить.

– А почему это качество непременно должно быть потеряно?

– Потому что людям кажется, что у них появились другие средства выживания. Коллективная душа движет народами, когда у них нет прочих средств борьбы за себя самих. Проще говоря, когда нет индивидуального руководства к действию, а главное – к сохранению жизни. И вот тогда ценность коллективного перерастает ценность индивидуального, и порой настолько, что люди с радостью готовы себя этому пожертвовать. Коллективная душа переводит на себя все психическое внимание человека, и он начинает буквально ощущать в ней свою жизнь... и свое бессмертие, между прочим, тоже.

– Постойте, патрон, но это как раз очень близко к тому, что я вам сегодня говорил.

– Не очень близко.

– Почему?

– Откуда все это здесь, Стенли, в стране индивидуалистов? Как и чем можно дотянуться до коллективной души, вызвать ее к жизни? А вызвать ее можно только из прошлого. Призывы к объединению людей и прочая демагогия тут не помогают. – Он налил себе еще одну рюмку, но не выпил, а задумчиво на нее уставился. – И тем не менее... тем не менее, ваша мысль где-то рядом...

– Блюм очень интересный человек, ты не находишь? – спросил Торнвил, когда они, попрощавшись, сели в такси.

– Вы оба хороши, а я себя чувствовала немножко душой. С этим надо что-то делать, милый. Послушай, голодное детство Блюма, это Вторая мировая война, да? Он жил тогда в Европе?

– В Польше. Он там потерял мать и деда. А отец, когда вернулся из лагеря, сумел его отыскать.

– Сколько ему тогда было лет?

– Около десяти.

– А маму и деда расстреляли фашисты?

– Нет, их не расстреляли. В конце войны многим уже нечего было есть. Он когда-то давно проговорился мне, что его мучает во сне одна и та же картина. Они достали немного пищи, совсем немного. И велели съесть все ему. Обманули мальчика тем, что якобы сами до этого поели у соседей. Он говорил, что видит во сне их полуподвальную комнату с косым солнечным светом, который проходит в оконце у самой земли, и лица: радостное – матери, от того, что

он, захлебываясь, ест, и спокойное, отрешенное уже лицо деда. Тот умер через два дня, а мать еще через сутки упала на улице, и уже ничего нельзя было сделать, хотя за день до этого в город вошли русские, и людям пытались оказывать помощь. Сломанный голодом организм все равно уже жить не может. – Такси подъехало к их дому, Торнвил взглянул на Николь. – Зря я рассказал тебе это.

В ответ она несогласно замотала головой.

Оперативная проверка знакомых и родственников тоже ничего не дала.

– Послушайте, патрон, если Чакли и Кэмпбелл работали очертя голову, переходя грани риска, этого не могли не учитывать люди Независимого. Понимали, значит, что в любой момент тем может сесть на хвост президентская охранная служба или мы, контрразведка. Следовательно, и на самого Независимого можно было выйти, отследив канал передачи информации. Что же это за сверхнадежный канал? В ответе на этот вопрос зацепка. Возможно сейчас единственная.

– Очень точное попадание, Стенли. Добавьте к этому, что они не боялись не только слежки, но и того, что Чакли или Кэмпбелл окажутся в руках спецслужб. Они этого не боялись.

– Предвидели самоубийство?

– Позволю себе усилить ваши слова: не сомневались в нем.

– Вы так уверены?

– Факты, мой дорогой, их на козе не объедешь.

– На чем?

– Да ни на чем не объедешь.

Торнвил кивнул головой и почувствовал ту неприятную злобу, которая всегда возникала у него, когда игру спокойно делает противник.

– Конечно, можно предположить и зомбирование, – Блюм недовольно поморщился от этой собственной мысли, – но...

– Но тогда зачем программировать людей на такой варварский способ самоубийства, вы хотите сказать?

– Именно. И обратите внимание: способ не стопроцентный! Где гарантия, что такой самоубийца нанесет себе действительно смертельный удар? Что-то здесь не то, полковник, очень важное для нас «не то»... Кэмпбелл имела разрешение на пистолет, который лежал у нее в письменном ящике. И Чакли без всяких проблем мог им обзавестись. Выстрелить в висок куда проще, чем нанести себе глубокое ранение в живот, да еще умудриться взрезать кишечник. Чем объяснить такой нерациональный способ самоликвидации?

– Не нравится мне эта мистика, патрон.

– И мне не нравится. – Блюм подошел к креслу, но раздумал садиться и вернулся на середину комнаты. – Теперь о канале передачи информации. Через тайник где-нибудь в городе они работать ведь не могли, согласны?

– Да, на тайнике их можно было бы выследить и взять в наручники кого угодно, в том числе, их связного прямо с поличным. И успеть себя уничтожить им бы уже не дали.

– Верно, значит остается личный контакт, причем в условиях, когда в случае чего должна пройти самоликвидация. Распределите своих людей по соответствующим объектам, проверьте под видом финансовой инспекции всех частных врачей, что там еще... небольшие ателье по пошиву одежды... Ну, сами еще подумайте, где им удобно было встречаться?

* * *

– Ты слышишь меня, мальчик? Ты меня слышишь?

Хак кивнул.

– Ну, слава Всевышнему! Ты был в беспамятстве два дня и две ночи. А сейчас у тебя уже не горячая голова. Но все равно лежи.

Хак все-таки приподнялся на локтях...

Комната светлая и довольно большая. Ковры. Он сразу обратил на них внимание, плохие ковры... Это небогатые люди... но и не бедные. У бедняков простые циновки. Такие ковры могут быть у средней руки торговцев или ремесленников.

– Как твое имя?

Хак чуть повел головой в сторону, опустил ее снова на небольшой жесткий валик и закрыл глаза. «Имя? Его еще надо придумать».

– Не тревожь больного, – услышал он женский голос. – Иди в свою кузницу, я буду смотреть за ним.

«Кузница? Он в доме у кузнеца». Хак вдруг сразу вспомнил голос этого человека. Человека на площади – того, что разговаривал с ним и держал потом за плечи.

* * *

Николь сказала ему, что чувствует себя его частью. И он сразу подумал – сам так ее чувствует. Как святую часть их общего целого. Его чудесную мадонну... Она решила, что они зарегистрируют брак, как только она ощутит себя беременной: «Мне кажется, это случится очень скоро, милый».

Ему тоже так кажется.

Пять дней интенсивных проверок, пять дней неприятного для них с Блюмом ожидания и вот, наконец!

– Один и тот же связной, Стенли! Это меня радует не меньше чем то, что мы его нашли! У них был один общий связной!

– Мне тоже это кажется неестественным. Гораздо разумнее было бы развести каналы связи для таких ценных агентов.

– Вот именно! Значит, у нашего Независимого тоже не все слава богу. Он подает нам слабые надежды. Маленькие ошибочки или трудности у противника – ах, как я их, Стенли, люблю! – Блюм потерял руки. – Кабинет зубного врача. Удобное место для встреч. Вы уже наверняка придумали, как этого доктора брать, а? Рассказывайте, я – весь внимание.

– Очень просто. Может же у меня разболеться зуб в Вашингтоне?

– Ой, не говорите, мой дорогой! От этого места у многих болят зубы. Только зачем именно вам, что – сотрудников мало?

– Хотелось бы самому, патрон.

– А, полковник, давно не занимались оперативкой? Нервы скучают? Ну что ж, я не против. Где будут ваши люди?

– Один войдет в приемную через минуту после того, как я окажусь в кабинете. Заявит медсестре, что у него острая боль и будет дожидаться моей команды через портативный микрофон. Двое других – на улице. Больше не надо. За углом крытый овощной фургон. Мы подгоним его к черному входу и выведем доктора незаметно. Там, со двора, это сделать очень удобно.

– Медсестра?

– Мы ее сразу после ареста доктора возьмем в разработку. В ближайшие два-три дня на все звонки в кабинет она будет отвечать, что у того тяжелый пациент, он подойти не может. Дома будет работать автоответчик с ее голосом: вроде того, что хозяин сегодня вернется слишком поздно. Попробуем таким образом выяснить, кто станет им интересоваться.

– Д-а, хорошо. А если окажутся настоящие пациенты в приемной?

– Тяжелый случай с острой болью, сестра извинится и объявит, что доктор никого уже принять не сможет.

– Там, в приемной, не должны ничего подозрительного услышать из кабинета.

– Все детали продуманы, патрон. Кстати, двери у дантистов со звукоизоляцией. Кроме того, я залеплю ему рот клейкой лентой.

– Ох, полковник, не ваша это работа! Ладно, – Блюм поднял примирительно вверх руку, – если нельзя, но очень хочется, то можно. Успеем сегодня провести операцию?

– Люди готовы. Если вылетим сейчас на нашем самолете, как раз успеем к концу приема.

– Действуйте, Стенли, действуйте. Я тоже тут кое-что подготовлю.

Через полтора часа Торнвил входил в обычную приемную частного дантиста...

Цветы кругом, и здоровый красно-синий какаду в просторной клетке. Худенькая медсестричка с милым, немножко нервным личиком. Торнвил знал ее имя, возраст, то, что недавно закончила медучилище. Живет одна. Это очень удобно для дальнейшей работы.

– Здравствуйте! Этого попугая как будто нарочно так разрисовали. Сознаться, это вы сами сделали? Природа не может создать таких диких красок.

– Что вы, сэр! Он настоящий, бразильский. Большая умница, только немного злой.

Попугай вскинул голову и посмотрел на Торнвила большим круглым и действительно не очень добрым глазом.

– У вас проблемы с зубами, сэр?

– Небольшие. Отломился краешек седьмого зуба. Я в Вашингтоне проездом, и такая оказия. Хочу, чтобы доктор взглянул. Я заплачу наличными.

– Конечно, сэр, он скоро освободится.

Не успел Торнвил порадоваться, что других пациентов в приемной нет, как тут же появилась пожилая дама.

– Вы пришли немного раньше, – обратившись к ней по имени, застрекотала медсестричка. – Доктор сейчас освободится, но сначала посмотрит этого господина. У него маленький пустяк.

Дама согласно кивнула и, видимо, как старому знакомому, погрозила попугаю пальцем. Тот проорчал что-то в ответ и повернулся к ней задом. Еще через пару минут Торнвила пригласили в кабинет на смену вышедшему пациенту.

Проходя к креслу, он сразу оценил комплекцию хозяина кабинета и остался доволен: лет сорока мужик, вес средненький, и явно не атлет. Проблем здесь не будет.

– Что вас беспокоит?

– Мне кажется, отломился кусочек седьмого верхнего... справа. Язык все время наталкивается на острый край.

– Сейчас посмотрим.

Сказанное пошло в микрофон, и сразу же в приемную ввалился здоровый чернокожий с красными, почти плачущими глазами.

– Беда-то, мэм, просто беда, ох, еле до вас добежал, – жалостным голосом заскулил он. – Напасть, мэм, стал ныть полчасика назад, а когда я попробовал прополоскать горячей водой, света не взвидел, мэм. – Бедняга указал на свою кучерявую башку. – Прямо в голову отдает!

– Не делайте так никогда, сэр! Только врач может сказать, чем и когда полоскать заболевший зуб.

– Ваша правда, мэм, ох, ваша правда...

– У вас все в порядке, хороший рот. А то, что вас разволновало – обычный случай. Там острый естественный край. Повернули чуть по другому язык, и маленькая царапина на нем заставляет думать, что во рту что-то неладно.

– Большое спасибо, доктор, – Торнвил позволил хозяину направиться к двери, чтобы открыть ее...

– А! Что... что вы делаете? М-мм...

– Спокойно, спокойно, не дергайтесь.

– Ох, мэм, просто сил моих нет! Может быть, доктор даст мне пока таблетку. Давайте зайдем к нему, мэм, и попросим. Очень прошу вас, давайте зайдем.

– Надо сделать срочный укол в десну! – поддержала пожилая дама. – Нельзя же так мучиться! – И когда они скрылись за дверью кабинета, повернулась к попугаю: – Видишь, как повезло тебе, негодяй, что ты не с зубами родился. – Тот, словно поняв, довольно поцокал огромным клювом. – Да и нам, пожалуй, так лучше тоже, – посмотрев на его клюв, заключила она.

– Не волнуйтесь, Джойс, не волнуйтесь! Вас ведь так зовут? Все нормально, вот наши документы, вот ордер на арест доктора. – Тот уже сидел на месте пациента в зубном кресле с залепленным ртом и в наручниках. – Возможно, это недоразумение, и мы его скоро отпустим. А сейчас вы должны очень спокойно выйти из кабинета и сообщить даме, что у доктора оказались сразу два тяжелых больных. Обоим нужна серьезная помощь, и ее он сегодня принять не сможет. И сразу же закроете входную дверь на ключ.

Бледная медсестричка вышла в приемную и Торнвил услышал, как она произносит нужные слова. Он тут же отдал по связи команду подогнать фургон. Еще через минуту дантист был туда упакован.

– Все, – сообщил Торнвил девушке, у которой на белых щеках появились нервные красные пятна. – Инспектор останется с вами и даст необходимые инструкции. Не надо волноваться.

– Но... у него же болит зуб, сэр, – очумело произнесла та, глядя на темнокожего полицейского, просто плакавшего минуту назад от боли. – Я дам ему таблетку?

– У меня нет с собой наличных за таблетку, шеф, – обращаясь к Торнвилу, заметил тот.

– А много нужно?

– Я дам бесплатно.

– Тогда он возьмет, – прощаясь со своим сотрудником за руку, согласился полковник.

Блюм приготовил для допроса в одном из нижних помещений специальную комнату: без окон, мягкий ковровый пол и кирпичная стенка вокруг. Торнвил встретился с ним глазами и все понял.

– Садитесь, доктор Вернер, присаживайтесь, – обратился Блюм к арестованному, предлагая ему место с противоположной от них стороны стола. – Сейчас полковник снимет с вас наручники. Вы извините, что мы вынули все из ваших карманов, и наши люди сняли нож, который висел у вас сбоку на поясе. Или, точнее, кинжал. Кстати, зачем вам этот очень острый предмет? Это ведь не хирургический инструмент, если я правильно понимаю? Он не мешает при работе с бормашиной?

– Не мешает, и это мое дело, – угрюмо выговорил тот. – Я протестую против подобной формы задержания. Требую, чтобы мне немедленно дали бумагу и ручку. Я напишу заявление прокурору.

– Не беспокойтесь, доктор, мы предоставим вам потом бумагу и даже, возможно, ручку. Но пока ничего этого нет. Вы же видите, у нас голый стол с вмонтированным магнитофоном. И если вы ответите всего на несколько наших вопросов, я думаю, и сами не захотите писать прокурору. К тому же, мы не подчиняемся обычной окружной прокуратуре. Мы не полиция. И не налоговая полиция. Мы политическая контрразведка. – Блюм улыбнулся и развел руками,

как вынужденный просить о снисхождении человек. – У нас сюда, знаете, даже адвокатов не пускают. Ну, не положено!

Торнвил заметил как, исподволь, задержанный осматривает комнату.

– В чем меня обвиняют?

– Нет, доктор, что вы? Мы вас не обвиняем. Нас просто интересуют два ваших пациента. Их фамилии Кэмпбелл и Чакли. Не припоминаете?

– У меня слишком много пациентов.

– Я понимаю, но тем не менее, они лечились у вас. Они записаны в вашей регистрационной книге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.